

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89.
Cherepovets State University Bulletin, 2022, no. 3 (108), pp. 77–89.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6>

Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук,
Москва, Россия,

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается творческая история повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», находят отражение значимые изменения, осуществленные писателем в течение работы над произведением. Автор анализируются важнейшие сюжетные и смысловые акценты, присутствовавшие в черновиках, указываются причины, по которым они не вошли в итоговый текст. Отдельное внимание уделяется мотиву лжи, времени прозрения главного героя и влияния его смерти на окружающих. Доказывается, что Л. Н. Толстой намеренно не допускал сниженных описаний героя и его семьи до финальной болезни Ивана Ильича, обнажающей перед ним непоправимое притворство окружающих. Помимо точки зрения Ивана Ильича, сознание которого является в повести одним из важнейших в представлении окружающей картины мира и исключает Бога, в произведении присутствует народный взгляд на мир, выдвигающий идею бескорыстной помощи.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, поздние повести, черновые материалы, творческая история, авторская концепция, смерть, прозрение, мотив лжи, эгоизм, образ народа

Для цитирования: Андреева В. Г. Повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6>.

The story of L. N. Tolstoy “The Death of Ivan Ilyich”: changing the concept from the original idea to the final text

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article deals with the creative history of the novel “The Death of Ivan Ilyich” by L. N. Tolstoy, shows the significant changes made by the writer during the work. The author of the article analyzes the most important plot nuances and emphasizes semantic points that were present in

---

© Андреева В. Г., 2022

the drafts, identifies the reasons why they were not included in the final text. Special attention is paid to the motive of lies, the time of the protagonist's insight and the impact of his death on others. It is proved that Tolstoy deliberately did not allow deteriorated descriptions of the character and his family until the final illness of Ivan Ilyich, exposing the irreparable pretense of those around him. In addition to the point of view of Ivan Ilyich, whose consciousness in the story is one of the key points in presenting the surrounding picture of the world and excludes God, there is a people's view of the world in the work, which puts forward the idea of selfless help.

Keywords: L. N. Tolstoy, late novels, draft materials, creative history, author's conception, death, insight, motive of lies, selfishness, image of the people

For citation: Андреева В. Г. The story of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich": changing the concept from the original idea to the final text. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 3 (108), pp. 77–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-3-108-6>.

Введение

Статья посвящена текстологическому исследованию повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886). Несмотря на широкую известность указанного произведения, литературоведы обращались преимущественно к философским основам итогового текста, осмыслению образа главного героя. Комментарии к повести были опубликованы в 26 томе 90-томного собрания сочинений Толстого в 1936 г., в дальнейшем в науке не уделялось значительного внимания ее творческой истории. Между тем именно концептуальные изменения, внесенные Толстым в ходе работы над текстом «Смерти Ивана Ильича», позволяют прийти к раскрытию глубинного замысла автора, погрузиться в творческую лабораторию писателя. В процессе сравнительного изучения черновиков произведения и его окончательного текста мы постараемся показать усиление общего драматизма повести, достигнутое писателем за счет отдаления момента прозрения героя, изменения соотношения «человек – среда», появления ярко выраженных infernalных мотивов, а также православной, народной точки зрения.

Основная часть

Поздняя повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» сочетает историю жизни обыкновенного человека с его постепенным освобождением от своих приятных и приличных привычек и рассказ о слишком позднем финальном прозрении героя. Однако драматизм произведения заключается в том, что для всех окружающих смерть Ивана Ильича не имеет серьезного значения, оценивается лишь как внешний факт. Толстой констатирует, что большинство людей настолько утратили способность к искренним чувствам, что внешних поводов для пробуждения человеческой души оказывается недостаточно. Если смерть героя и затрагивает кого-то всерьез, то только его сына, который косвенно влияет на прозрение Ивана Ильича, озарив его уходящее существование искренней любовью и жалостью: «Это было в конце третьего дня, за час до его смерти. В это самое время гимназистик тихонько прокрался к отцу и подошел к его постели. Умиравший все кричал отчаянно и кидал руками.

Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистик схватил ее, прижал к губам и заплакал»¹.

Рассматривая историю создания повести и обращаясь к биографии прототипа главного героя, Ивана Ильича Мечникова, бывшего прокурора тульского суда, который умер 2 июля 1881 г., Л. П. Гроссман считает, что первые наброски к произведению могли быть сделаны Толстым в тот же период, но оставлены в зачаточном состоянии. ««Смерть судьбы», которая намечалась, обдумывалась и, вероятно, частично записывалась с 1881 г. по 1884 г., весной этого года выдвигается как очередная литературная работа»². Н. Н. Гусев начало повести «Смерть Ивана Ильича» относит к самому финалу 1881 г., также упоминая о смерти Ивана Ильича Мечникова, родного брата известного биолога Ильи Ильича Мечникова, как о толчке к написанию произведения, приводя свидетельство самого писателя, сделанное в 1909 г. в беседе с журналистом С. П. Спиро³. Основная канва, логический ход жизни Ивана Ильича были намечены автором еще на начальном этапе работы, однако весьма значимы перемены, касающиеся наличия в произведении одного или двух прозревающих героев, времени прозрения самого Ивана Ильича.

Сначала Толстой продумывал повествование от первого лица. В черновиках рассказ ведется от имени друга и коллеги Ивана Ильича по фамилии Творогов, который узнает о смерти Головина, затем отправляется к нему на похороны, где видит покойника и его родных, далее беседует с женой усопшего и получает от нее дневник своего товарища. Прочитанная в этом дневнике история жизни и смерти заставляет самого Творогова прозреть: «Я особенно подробно описываю мое отношение к смерти тогда потому, что именно тут в этом кабинете с розовым кретоном, я получил то, что изменило совсем мой взгляд на смерть и на жизнь» (Т. 26, с. 508). Согласно первоначальному замыслу Толстого, после несколько преждевременно высказанного замечания Творогова о своем прозрении под влиянием записок Ивана Ильича следовал рассказ о том, как же это произошло: после получения дневника покойного друга Творогов прочитал его в одиночестве вечером, вернувшись из клуба. Далее Творогов приводит один из фрагментов записок товарища – самое начало, но весьма значимое и решительное, иллюстрирующее полную погруженность Ивана Ильича в ложь и его страдания (не столько физические, сколько духовные). Затем следует краткая характеристика дневника, данная другом Головина и отражающая впечатление, произведенное на него: «Записки эти ужасны» (Т. 26, с. 510). Творогов отправляется к супруге Ивана Ильича, расспрашивает ее и других родных покойного, Герасима. Из

---

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26. Произведения 1885—1889 гг. С. 112. – В дальнейшем все ссылки на произведения Л. Н. Толстого приводятся по данному изданию и даются в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

² Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 681.

³ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год. Москва: Наука, 1970. С. 88.

записок умершего и рассказов о нем Творогов составляет историю жизни Головина, которая далее представляется читателю уже от имени всезнающего повествователя (но в данном случае она рассказывается именно другом Ивана Ильича).

Однако наличие в черновиках прозревающего Творогова означало появление в повести не одного героя, изменяющего свои взгляды, а двух. Получалось, во-первых, что дневник Ивана Ильича имел такую силу воздействия, что оказал серьезное влияние на его товарища, а во-вторых, Творогов для этого изменения должен был внутренне отличаться от других сослуживцев. Действительно, в черновиках сам Иван Ильич за некоторое время до своей смерти сначала просил жену сжечь его записки, а потом сказал: «А впрочем, отдай Творогову. Он все-таки более человек чем другие, он поймет» (Т. 26, с. 508). При этом, согласно логике развития данного героя, его прозрение маловероятно.

Толстой не случайно делает Ивана Ильича чиновником и старательным служащим – свою работу он любит, постоянно ищет в ней отдушину, но вот только *служить людям* Головин не готов. Он состоит на службе для себя, наслаждается положением: «Теперь же, судебным следователем, Иван Ильич чувствовал, что все, все без исключения, самые важные самодовольные люди – все у него в руках...» (Т. 26, с. 71). В черновых материалах на рассуждении автора об эгоизме героя и его непомерном тщеславии сделан больший акцент, чем в окончательном тексте повести. Автор дает читателю понять, что этот эгоизм является отличительной чертой не одного Ивана Ильича, так живут все его сослуживцы.

После смерти Головина его родные, друзья и коллеги продолжают жить по-прежнему. Как и при Иване Ильиче, но теперь уже без него складываются карточные партии: игроки взаимозаменяемы, и новая партия, как показывает Толстой, будет организована без Головина. В. И. Порудоминский пронизательно отметил множество реализаций мотива игры в повести, проведя ассоциативную параллель между жизнью всего общества чиновников и карточной игрой: «Игра начинается первым сделанным ходом, который предлагает возможность наметить тактику, рассчитывать варианты. Таким первым ходом в повести становится известие о смерти Ивана Ильича. Теперь на его место может быть назначен Алексеев, на место же Алексеева – Винников или Штабель. <...> Партия, начатая смертью Ивана Ильича, останется за пределами повести, которая смертью его заканчивается»¹. Ученый также справедливо обратил внимание на то, что фамилия героя-игрока Шварца, присутствовавшего на похоронах Головина, переводится с немецкого как «черный». В черновых материалах на похоронах Ивана Ильича Творогов встречался с Шебеком, с которым и договаривался, «где повинтить нынче» (Т. 26, с. 506). Однако в окончательном тексте появляется фигура Шварца, имеющая явно inferнальное, бесовское начало. Если в черновиках Шебек просто лукаво подмигивает Творогову, но находится с ним на равных, то в итоговом варианте повести Шварц («черный»!) завладевает вниманием Петра Ивановича и даже повелевает им, направляя его к телу Ивана Ильича:

¹ Порудоминский В. И. Правила проигранной игры. Карты в повести «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский ежегодник 2003 / под редакцией В. Б. Ремизова. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 330.

«...Шварц, с серьезно сложенными, крепкими губами и игривым взглядом, движением бровей показал Петру Ивановичу направо, в комнату мертвеца» (Т. 26, с. 63). Обратим внимание на тот факт, что сам Шварц, отправив Петра Ивановича к умершему, с ним в комнату не заходит. Не исключено, что его сдерживают именно крестные знамения: «Петр Иванович вошел, как всегда это бывает, с недоумением о том, что ему там надо будет делать. Одно он знал, что креститься в этих случаях никогда не мешает» (Т. 26, с. 63). Фигура Шварца помогает Петру Ивановичу удержаться от «удручающих впечатлений»: от жалости и сострадания, от человеческой искренности.

Толстому важно было показать степень помрачения и равнодушия общества, в котором жил Иван Ильич, его безверие, выражаемое в отсутствии сердечных и душевных связей между людьми. Р. А. Дистерло справедливо отметил, что «Смерть Ивана Ильича» теснейшим образом связана с процессом внутренней жизни самого Толстого. Критик считает, что при этом в тексте «автор говорит, как не должно жить» и сама повесть «есть произведение чисто отрицательное»¹. Однако несмотря на общее отрицательное значение произведения, читатели должны сделать положительные выводы. Общечеловеческое значение повесть имеет уже потому, что в ней находит отражение закон жизни, ее основа. Пусть изображаемый Толстым круг людей неширок, в него входят лишь сослуживцы Ивана Ильича, произведение это не о чиновниках-юристах (хотя профессия накладывает на них свой отпечаток) и даже не об образе жизни представителей определенной социальной прослойки, а о забвении и прозрении человека в целом, о духовном толчке, который необходим многим для пробуждения. Более того, в «Смерти Ивана Ильича» реализуется прием контраста, являющийся центральным практически для всех поздних повестей Толстого.

В черновых материалах предполагалось, что противопоставление всего жизненного пути Ивана Ильича и его последних двух-трех месяцев будет усилено противопоставлением Творогова до и после прозрения, в итоговом же тексте ложное и истинное отношение к жизни можно проследить на примере всего изображенного общества чиновников, их семей и мужика Герасима. Именно Герасим привносит в художественный мир ту правду, о которой забыли господа. «Божья воля. Все там же будем», – говорит герой (Т. 26, с. 49). Эти слова о Божьей воле в устах мужика – не просто оборот речи, они являются отражением определенного образа жизни, в котором высший судья и распорядитель всего – отнюдь не человек, а Бог. И. Ю. Лученецкая-Бурдина пишет, что несколько фраз в поздних повестях Толстого могут заключать в себе крайне важный смысл и быть противопоставлены другой, диаметрально противоположной позиции: «Зерно народных рассказов “прорастает” в повестях 1880–1890-х годов, демонстрируя варианты ответов на прежние мучительные вопросы: “Чем люди живы?”, “Как жить?”, “Во что верить?”. Идеологическая программа народных рассказов воплощается в произведениях Толстого на качественно ином материале – из “господской жизни”, но стилиевой ресурс народных рассказов сохраняется в них в виде отдельного высказывания или реплики персона-

---

¹ Дистерло Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист: критический очерк. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева, 1887. С. 150.

жа, которые имеют принципиальное значение»¹. Мужик Герасим на протяжении всей повести произносит лишь несколько фраз, но именно эти реплики автор определяет как *ключевые*, противопоставляя их главному мучению всего времени болезни Ивана Ильича – *лжи*.

В черновых материалах мотив лжи появлялся фактически сразу, причем Толстой делал на нем особый акцент за счет многократных повторов в пределах нескольких предложений. «Ложь, обман, ложь, ложь, ложь, ложь, все ложь. Все вокруг меня ложь, жена моя ложь, дети мои ложь, я сам ложь, и вокруг меня все ложь», – так начинались записки Ивана Ильича (Т. 26, с. 509). Уже с первых страниц повести появлялось противопоставление *лжи* прошлой жизни героя и *правды*, ставшей его новым утешением: «На упреки, что он вредит себе, Иван Ильич отвечал, что это одно его утешение – самим с собой говорить правду» (Т. 26, с. 508). В итоговом тексте повести Толстой *избегает упоминания о правде* до четкого появления в сознании Ивана Ильича образа смерти; автор постепенно все более усиливает акцент на обмане, выстраивая линию развития болезни и параллельно констатируя факты лжи и притворства, потерявшие для героя актуальность. Глубокая психологическая правда повести Толстого состоит в том, что его неверующий герой-эгоист отказывается от своей лжи только потому, что ему больше не удастся в ней жить, что ему хочется сказать миру о своей невыносимой боли, о бессельно прожитой жизни.

Целостность и колоритность образа центрального персонажа требовали от Толстого упоминания о раскрытии им лжи только в финале повести, когда Иван Ильич уже ничего не может исправить в окружающем его мире: «В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» (Т. 26, с. 112); герой не способен даже толком выразить свою жалость к родным, попросить у них прощения.

««Пропусти» равнозначное “прости” – это символ-пароль, подтверждающий, что Иван Ильич понимает наконец и принимает чужую боль как свою», – пишет Е. А. Жуков². Между тем о равнозначности данных слов можно говорить только с точки зрения Ивана Ильича. Символичным является и то, что Головин даже не может выговорить финальное «прости», обращенное к жене, а невольно сказанное «пропусти» слишком похоже на его возможное обращение к кому-то, связанное с финальной борьбой: «...он барахтался в том черном мешке, в который просовывала его невидимая непреодолимая сила» (Т. 26, с. 112). Толстой не дает произнести своему герою ни слова правды: что, если бы жена удивилась этой просьбе Ивана Ильича о прощении и задумалась бы о жизни?

¹ Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника: Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2001. С. 128.

² Жуков Е. А. О том, как «сделана» повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский сборник–2008. Л. Н. Толстой – это целый мир: материалы XXXI Международных Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого: в 2 ч. / под редакцией Ю. В. Архангельской. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2008. Ч. 1. С. 209.

Концептуальное расхождение между черновыми вариантами и итоговым текстом заключается в следующем: в последнем Иван Ильич прозревает *за несколько часов до смерти*, а для написания дневника необходимо было более раннее прозрение героя, произошедшее *за два или три месяца* до его жизненного финала: «Так говорил И. И., и так ему казалось, что он и думал за 2 месяца до своей смерти, но в те два месяца, которые он проболел до своей смерти, мысли эти его очень много изменились» (Т. 26, с. 524).

В данном случае дело даже не во времени, а в способности и неспособности героя, подобного Ивану Ильичу, к прозрению. Э. Ф. Володин отметил, что в повести Толстой не создает эффектную сцену внезапного озарения персонажа: «Такой поворот вполне допустим как литературный прием, но не отвечал бы ни правде жизни, ни правде характера чиновника И. И. Головина. Правда жизни требовала именно эволюции сознания и характера героя, постепенного освобождения от пут привычек, шаблонов, штампов. И потому совершенно верным было мотивирование жизни Ивана Ильича в течение двух месяцев болезни стремлением восстановить нормальную функцию организма»¹. Толстой прекрасно почувствовал *невозможность быстрого, внезапного прозрения героя*, прожившего абсолютно внешней жизнью, да еще и лишённую созидания, полную условностей и обмана. Два месяца, оставленные автором в черновиках Ивану Ильичу, открывшему для себя правду, в итоговом тексте тратятся героем на наблюдения за деятельностью своего тела и на страх смерти, несмотря на тот факт, что он уже стал критически относиться к своей жизни: «То перед глазами была одна почка или кишка, которая на время отклонилась от исполнения своих обязанностей, то была одна непонятная ужасная смерть, от которой ничем нельзя избавиться» (Т. 26, с. 108).

Вряд ли можно согласиться с С. А. Демидовой в том, что «спасение», по мнению Толстого, заключалось в самом человеке, в чиновнике Головине. «Иван Ильич, осознавая бессмысленность своего досмертного существования и понимая, что исправить уже ничего нельзя, тем не менее достойно завершает свой жизненный путь: его жалость к себе преобразуется в жалость – в первоначальном смысле “любовь” – к другим людям»², – отмечает исследователь. Жалость к другим – это не окончательное прозрение героя, а лишь его начало, не случайно Иван Ильич успевает осознать, что жизнь «можно еще поправить», но времени для этого исправления ему уже не дано (Т. 26, с. 112).

Если в черновиках Толстой допускал заметную иронию по отношению к главному герою со стороны других персонажей, то в окончательном тексте автору важно было прочертить *путь иллюзорного восхождения без разоблачений*, чтобы ярче представить финальный перелом. Примером критически-ироничного отношения к

---

¹ Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени («Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого) // Контекст–1984. Литературно-теоретические исследования / под редакцией Н. К. Гея. Москва: Наука, 1986. С. 152.

² Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 154.

Головину в черновых вариантах повести являются слова о нем зятя, рассуждающего о возможности получения Иваном Ильичом нового места: «Очевидно, он испортил своей самоуверенностью, и ему ничего не дадут. Да и что он за *драгоценность*, что ему сейчас место председателя? Ничего ему не дадут» (Здесь и далее курсив наш. – В. А.) (Т. 26, с. 512). В окончательном тексте эти фразы трансформируются, мотив *ценности* иначе звучит из уст Ивана Ильича: «... но непременно пять тысяч и непременно выйти из министерства, где не умели *оценить* его» (Т. 26, с. 77). Внешняя (причем далеко не позитивная) оценка героя зятем заменена на самооценку Ивана Ильича и его мысли о неблагодарности окружающих.

Примечательно в этом плане письмо Толстого к князю Л. Д. Урусову от 20 августа 1885 г., в нем писатель говорит о точке зрения, с которой видится бытие и смерть героя: «Теперь я прихожу, напротив, в писательское состояние и хочется писать, а работы слишком много. Начал нынче кончать и продолжать смерть Ивана Ильича. Я, кажется, рассказывал вам план: описание простой смерти простого человека, *описывая из него*» (Т. 63, с. 282). С. А. Демидова отмечает, что «религиозную плоскость экзистенциальных переживаний героя повести “Смерть Ивана Ильича” вскрывает проблема посмертия, т. е. жизни после смерти, а, следовательно, и вопрос о Боге. Однако последнему в художественном пространстве повести места уделено мало. В ней фактически нет Бога...»¹. Свидетельством отсутствия Бога в произведении, по мнению исследователя, является фрагмент об обращении Ивана Ильича к Богу и ожидании ответа, которого герой не получает: «Ответа нет и быть не может, поскольку Толстой отказывается от понятия Бога как метафизического Абсолюта. Показательно, что на вопрошание Ивана Ильича откликается не божество, но его собственный “внутренний голос”»². Между тем авторское лаконичное определение «описывая из него» подчеркивает, что к Богу не приходит исключительно Головин, а в художественном мире повести вопрос посмертия поставлен не перед другими героями, отмахивающимися от мысли о смерти, *а перед читателями*.

По мнению Н. А. Касавиной, Иван Ильич «уже продвинулся в своем опыте вхождения в конечность, принятия смерти, находится на другом этапе околосмертной динамики, что не решаются видеть его родные, из-за собственных страхов не способные к оказанию ему необходимой в этот момент эмоциональной помощи»³. Однако обращение к замыслу Толстого и его реализации позволяет нам утверждать, что болезнь главного героя, его внутренние сомнения и размышления о прожитой жизни нельзя считать серьезным продвижением.

Семейная тема в целом занимает в повести важное место. Встречу Ивана Ильича с супругой и их взаимоотношения, как можно судить по черновикам, Толстой тща-

¹ Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 153.

² Там же.

³ Касавина Н. А. В разомкнутости «собственного» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 2. С. 92. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106>.

тельно продумывал и корректировал. В черновых вариантах произведения образ Прасковьи Федоровны представлен гораздо более резко, чем в окончательном тексте, причем это касается как первых встреч, знакомства и молодости героев, так и их отношений во время совместной жизни и в период болезни Ивана Ильича.

В итоговом тексте образ юной Прасковьи Федоровны Михель дан отчасти даже поэтично: «Прасковья Федоровна Михель была самая привлекательная, умная, блестящая девушка того кружка, в котором вращался Иван Ильич» (Т. 26, с. 72). Можно предположить, что Толстой намеренно убрал описание девушки, планируемое в начале работы над текстом и вызывающее у читателя двойственное впечатление: «Но тут, в другой провинции, прежде чем завязалась новая связь, наскочила не старая, но уже и не молодая девица. Иван Ильич прельщал ее, как всех. Девица прельстилась, но понемногу стала затягивать Ивана Ильича и затянула» (Т. 26, с. 511). Эта сниженная характеристика, образ великовозрастной девицы, ощущение определенной неволи не устраивали писателя – начало жизни (в том числе и семейной жизни Ивана Ильича) должно было складываться максимально благополучно: не внешние причины, но сама жизнь героя с принятием им ложных ценностей стали основой драмы чиновника Головина.

Состояние разочарования в жене и браке в целом приходит к главному действующему лицу постепенно, причем в черновиках Толстой описывает внезапное обнаружение Иваном Ильичом дурных качеств супруги, которые до этого он не видел и не понимал. Писатель даже предполагал показать контраст между мечтами о семейном счастье Головина и представшим перед ним в новом качестве образом Прасковьи Федоровны: «И мечтал о супружеском счастье так, что кроме прежних удовольствий холостой жизни будет еще домашняя поэзия. Но тут оказалось, что жена ревнива, зла, язучна, скупа, бестолкова...» (Т. 26, с. 511). В окончательном тексте повести Толстой снимает эту резкую характеристику, более обтекаемо он описывает даже не жену Головина, а в целом ухудшающиеся отношения между супругами: «...явилось что-то такое новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться» (Т. 26, с. 73). Причина такой перемены нами уже названа: писатель не винит теперь однозначно жену Ивана Ильича, однако демонстрирует читателю неправильно складывавшуюся жизнь героев.

В одном из черновых вариантов Толстой прямо связывал отрицательные качества Прасковьи Федоровны с невозможностью придания жизни приятного и приличного характера. Однако эта причинно-следственная связь не нужна была писателю при создании образа семейства Головиных: в случае полного нарушения приличного и приятного уклада жизни герою пришлось бы искать какой-то выход. Именно поэтому в окончательном тексте писатель изображает, как Иван Ильич убегает от капризов жены, ее ревности и требовательности в служебную деятельность. Толстому было важно показать, что размолвки в семейной жизни и первые возникающие проблемы не решались героем, а тщательно обходились и скрывались им.

До развития болезни Ивана Ильича, т. е. ощущения чиновником своего нездорового состояния как присутствующей патологии, которая не проходит, автор в окон-

чательном тексте оставляет лишь одну конкретную ситуацию, иллюстрирующую ссору между супругами, произошедшую из-за большого количества тортов, заказанных Головиным и оставшихся после отъезда гостей. Толстой упоминает о многочисленных невзгодах и отсутствии любви между мужем и женой, но на фоне взаимного отчуждения Иван Ильич не устраивает супруге сцен. Так, в черновиках был эпизод, когда «Иван Ильич окрысился и такую страшную сцену сделал жене, что она уже, увидав, что он в этом отношении злее ее, покорила ему, как он прежде покорялся ей» (Т. 26, с. 521). В окончательном тексте первая сцена с бешенством героя связана именно с болезненным состоянием Ивана Ильича: «...он раза два во время начала обеда приходил в такое бешенство, что она поняла, что это болезненное состояние, которое вызывается в нем принятием пищи, и смирила себя...» (Т. 26, с. 83).

Упрощая повесть и, по всей видимости, отбрасывая все ответвления, усложнявшие движение линии главного героя, Толстой значительно сократил эпизод, раскрывающий тему недоброго и расчетливого отношения родных друг к другу. В окончательном тексте повести Иван Ильич с семьей для уменьшения трат на жизнь уезжает на время отпуска в деревню, к брату супруги. В черновиках Головины отправлялись в деревню к зятю Ивана Ильича, и именно там разворачивалось скрытое ненавистное противостояние между семьями, которое негативно сказывалось на состоянии главного героя. Он мучился от своего положения обойденного назначением чиновника и тем более от постоянных замечаний, отсутствия добрых слов: «В последнее свое пребывание в деревне у зятя он, щепетильный и самолюбивый человек, заметил, что он в тягость, и что в отношениях к нему примешивается оттенок презрения, а от жены и дочери кроме упреков не слышал ничего» (Т. 26, с. 513). В окончательном тексте повести Толстой значительно сокращает данный эпизод описания Головиных у гостей в деревне, не упоминая натянутых отношений с женой и дочерью – эти скрытые упреки писатель оставляет до времени болезни героя, когда он оказывается не нужен даже близким людям: «Она (Прасковья Федоровна. – В. А.) стала желать, чтоб он умер, но не могла этого желать, потому что тогда не было бы жалованья» (Т. 26, с. 83).

В описании самого тяжелого периода жизни Ивана Ильича до того, как он узнал о своем заболевании, т. е. в то время, когда его обошли по службе, Толстой сокращает все дополнительные сведения, упоминания о других героях и общей атмосфере, которая была представлена в черновиках. Так, в описании взаимоотношений родственников и их совместной жизни автор использует лексемы «рай» и «ад»: раем кажется окружающим эта усадебная жизнь (именно таким словом ее называет хозяин), однако правда несколько иная: «А тут был ад. И в этом аду с страхом того, что из него не выберешься, жил Иван Ильич» (Т. 26, с. 513). Данные упоминания о рае и аде не были использованы Толстым в окончательном тексте, так как Иван Ильич, согласно замыслу писателя, не должен был до самого пика своей болезни понимать, в какой обстановке и атмосфере он жил. В окончательном тексте сцена пребывания чиновника Головина в деревне у родных максимально сокращена: день герой находится в гостях, в течение ночи ходит и думает, а уже на другой день едет в Петербург искать места. Вся сцена в итоговом варианте повести представлена

очень стремительно, автор иллюстрирует своеобразный спортивный интерес Ивана Ильича в поиске нового назначения, показывает его тщеславие. В черновиках был даже знаковый для творчества Толстого мотив торга и сравнения человека с вещью: «И он ехал, везя себя на базар, кому понадобится, кто даст больше» (Т. 26, с. 513). Однако писатель убирает и эту знаковую фразу – дело в том, что она значительно снижала завышенную самооценку героя, считавшего себя не обыкновенным человеком, а особо выдающимся чиновником, каких вокруг мало. Это самомнение Ивана Ильича в итоговом тексте по сравнению с черновиками подтверждает его оценка поведения окружающих по отношению к себе: «В этом году оказалось, с одной стороны, что жалованья не хватает на жизнь; с другой – что все его забыли и что то, что казалось для него по отношению к нему величайшей, жесточайшей несправедливостью, другим представлялось совсем обыкновенным делом» (Т. 26, с. 76).

Выводы

Сопоставление черновиков к повести и итогового текста произведения позволяет сделать вывод о смене задуманной писателем концепции. Согласно первоначальному замыслу Толстого, прозрение героя наступало за некоторое время до смерти, он успевал не только понять правду, но и написать о ней, оставить своеобразное «завещание» товарищу. Коллега Творогов, в свою очередь, прозревал под влиянием записок Ивана Ильича, выстраивалась своеобразная линия взаимного пробуждения. В итоговом же тексте отнюдь не Толстой, но сама жизнь наказывает Головина за постоянную игру, за бытие без Бога: герою открывается возможность исправить положение, сила жалости и любви, но сделать он уже ничего не может и не успевает: приход смерти и ее отрицание Иваном Ильичом в финале не способны повлиять ни на его земной путь, ни на бытие окружающих.

Список источников

Володин Э. Ф. Повесть о смысле времени («Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого) // Контекст–1984. Литературно-теоретические исследования / под редакцией Н. К. Гея. Москва: Наука, 1986. С. 144–163.

Гроссман Л. П. «Смерть Ивана Ильича» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1936. Т. 26: Произведения 1885–1889. С. 679–691.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1881 по 1885 год. Москва: Наука, 1970. 560 с.

Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 149–155.

Дистерло Р. А. Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист: критический очерк. Санкт-Петербург: Типография Н. А. Лебедева, 1887. 200 с.

Жуков Е. А. О том, как «сделана» повесть Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский сборник–2008. Л. Н. Толстой – это целый мир: материалы XXXI Международных Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого: в 2 ч. / под

редакцией Ю. В. Архангельской. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2008. Ч. 1. С. 204–209.

Касавина Н. А. В разомкнутости «собственного» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 2. С. 83–106. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106>.

Лученецкая-Бурдина И. Ю. Парадоксы художника: Особенности стиля Л. Н. Толстого в 1870–1890 годы. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2001. 156 с.

Порудоминский В. И. Правила проигранной игры. Карты в повести «Смерть Ивана Ильича» // Толстовский ежегодник 2003 / под редакцией В. Б. Ремизова. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 322–336.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Москва: Художественная литература, 1928–1958.

References

Volodin E. F. Povest' o smysle vremeni ("Smert' Ivana Il'icha" L. N. Tolstogo) [A story about the meaning of time ("The Death of Ivan Ilyich" by L. N. Tolstoy)]. *Kontekst–1984. Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context–1984. Literary and theoretical research; ed. by N. K. Gei]. Moscow: Nauka, 1986, pp. 144–163.

Grossman L. P. "Smert' Ivana Il'icha" ["The Death of Ivan Ilyich"]. Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete set of works: in 90 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1936, vol. 26: Proizvedeniia 1885–1889 [Works 1885–1889], pp. 679–691.

Gusev N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoi: materialy k biografii s 1881 po 1885 god* [Lev Nikolayevich Tolstoy: materials for the biography from 1881 to 1885]. Moscow: Nauka, 1970. 560 p.

Demidova S. A. "Esli zhizn' – blago, to blago i smert'": paradoksal'naiia tanatologiya L. N. Tolstogo ["If life is blessing, then death is blessing too": paradoxes of Leo Tolstoy's thanatology]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2020, no. 3 (53), pp. 149–155.

Disterlo R. A. *Graf L. N. Tolstoi kak khudozhnik i moralist: kriticheskii ocherk* [Count L. N. Tolstoy as an artist and moralist: a critical essay]. St Petersburg: Tipografiia N. A. Lebedeva, 1887. 200 p.

Zhukov E. A. O tom, kak "sdelana" povest' L. N. Tolstogo "Smert' Ivana Il'icha" [How the story of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich" was "made"]. *Tolstovskii sbornik–2008. L. N. Tolstoi – eto tselyi mir: materialy XXXI Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii, posviashchennykh 180-letiiu so dnia rozhdeniia L. N. Tolstogo: v 2 ch.* [Tolstovsky collection–2008. L. N. Tolstoy is a whole world: Proceedings of the XXXI International Tolstoy readings dedicated to the 180th anniversary of the birth of L. N. Tolstoy: in 2 parts; ed. by Iu. V. Arkhangel'skaia]. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo, 2008, part 1, pp. 204–209.

Kasavina N. A. V razomknutosti "sobstvennogo" bytiia (na primere povesti L. N. Tolstogo "Smert' Ivana Il'icha") [In the openness of "own" being (by the example of Leo Tolstoy's novel 'The Death of Ivan Ilyich')]. *Tsifrovoyi uchenyi: laboratoriia filosoфа* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab], 2021, vol. 4, no. 2, pp. 83–106. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-2-83-106>.

Luhenetskaia-Burdina I. Iu. *Paradoksy khudozhnika: Osobennosti stilia L. N. Tolstogo v 1870–1890 gody* [Artist's paradoxes. L. N. Tolstoy's style features in the 1870–1890s]. Iaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K. D. Ushinskogo, 2001. 156 p.

Porudominskii V. I. Pravila proigrannoi igry. Karty v povesti "Smert' Ivana Il'icha" [The rules of

the lost game. Cards in the novel “The Death of Ivan Ilyich”. *Tolstovskii ezhegodnik 2003* [Tolstovsky Yearbook 2003; ed. by V. B. Remizov]. Tula: Dizain-Kollegiia, 2006, pp. 322–336.

Tolstoi L. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete set of works: in 90 vol.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1928–1958.

Сведения об авторах

Валерия Геннадьевна Андреева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, lanfra87@mail.ru, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (д. 25а, ул. Поварская, 121069 г. Москва, Россия); **Valeria G. Andreeva** – Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow; <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>, lanfra87@mail.ru, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (25a, ul. Povarskaia, 121069 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 29.03.2022.

The article was submitted 05.03.2022; Approved after reviewing 22.03.2022; Accepted for publication 29.03.2022.